

УДК 94(470.5+571).063/.065:614.27

А. М. Сафронова

ПЕРВАЯ АПТЕКА ЕКАТЕРИНБУРГА И ЕЕ РОЛЬ
В МЕДИЦИНСКОМ ОБСЛУЖИВАНИИ
НАСЕЛЕНИЯ КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА И СИБИРИ
(1734–1750-е гг.)

Статья является первой работой, посвященной истории аптеки Екатеринбурга, ставшей первым учреждением такого рода, открытым на территории Урала и Сибири по инициативе В. Н. Татищева в 1734 г. На основе архивных документов раскрываются вопросы, связанные с наймом аптекарей, их деятельностью по выписыванию лекарств из Москвы, со сбором лекарственных трав на Урале, с заведением аптекарского огорода в Екатеринбурге, важной ролью аптеки в обеспечении медикаментами госпиталей, действовавших при казенных заводах Урала и Сибири.

К л ю ч е в ы е с л о в а: аптека Екатеринбурга, аптекари-немцы, госпитали, выписывание и изготовление лекарств, сбор лекарственных трав, выращивание лекарственных растений.

В литературе об аптеках, открывавшихся в России в XVII–XVIII вв., не упоминается о первой аптеке, появившейся на Урале в 1734 г., о ней приводятся лишь отдельные факты в работах, касающихся истории Екатеринбурга, деятельности В. Н. Татищева. О первом аптекаре Тамме упоминалось в книге доктора медицины Т. Ф. Успенского «Медико-топографическое описание Екатеринбургского горного округа и его города», изданной на латинском языке в Москве в 1835 г., краткие сведения из которой приводились Ю. Э. Соркиным [см.: Соркин, с. 67]. Н. С. Корепанов в работах о Екатеринбурге привел краткие данные об аптекарях Тамме, Мейндерсе, о деятельности последнего в Екатеринбурге, помещении аптеки [см.: Корепанов, 1998, с. 26, 36; 2005, с. 44, 58, 71; 2002, с. 350]. В. И. Стар-

ков лишь упомянул об аптекарях [см.: Старков, 1999; 2007, с. 32–34]. Нами в статьях о медицине Екатеринбурга раскрыта роль В. Н. Татищева как организатора медицинской службы: показано, что штатами уральских заводов 1723 г. предполагалось ввести должность аптекаря при новом Екатеринбургском заводе с двумя учениками; проанализированы нормы Наказа заводскому комиссару Ф. Неклюдову 1723 г., регламентирующие деятельность лекаря и аптекаря, положения Заводского устава 1735 г., касающиеся медицинской службы при заводах, в том числе обязанностях аптекаря [см.: Сафронова, 2017, с. 55–58, 64–69].

Данная статья посвящена истории появления аптеки в нашем городе, сыгравшей важную роль в обеспечении населения заводов и госпиталей медикаментами и другими материалами. Заметим, аптеку Екатеринбурга можно считать первой не только на всей территории Урала, но и Сибири: казенные аптеки в Тобольске и Селенгинске появились только в 1763 и 1765 гг. [см.: Акишин, с. 26].

Для написания статьи были привлечены доношения уральского начальства в центральные органы управления промышленностью; указы этих органов, отправляемые на Урал; переписка с Медицинской канцелярией; определения уральского начальства, зафиксированные в протоколах его заседаний; доношения доктора медицины Д. Грифа, возглавлявшего медицинскую службу заводов в 1734–1737 гг., в Канцелярию Главного заводов правления; доношения аптекарей и лекарей, исполнявших временно аптекарские обязанности, в эту Канцелярию; заводские штаты и другие документы, хранящиеся в РГАДА и ГАСО.

Решить вопрос о приглашении аптекаря в Екатеринбург в 1723 г. не удалось, положения штатов 1723 г. о должности аптекаря и наказа Ф. Неклюдову, регламентировавшие его деятельность [см.: Сафронова, 2017, с. 56–58], остались на бумаге. В марте 1734 г. В. Н. Татищев был назначен начальником казенных заводов Урала и Сибири, в столице он нанял лекаря Сименса для службы в Екатеринбурге; в Москве, где шла подготовка к отправке команды на Урал, 18 апреля 1734 г. Татищев вновь обратился к кабинет-министрам: «ныне обретается в Москве агличанин доктор Гриф, которой на Сибирския заводы ехать обещается на 3 года с таким договором»: жалованье 600 руб. в год «да при нем определить аптекаря» [Татищев, с. 156]. Не дожидаясь указа, 1 мая 1734 г. Татищев сам заключил контракты с доктором и аптекарем, но контора Сената в Москве отказала в их назначении и выдаче жалованья, ссылаясь на отсутствие указа Сената. Татищеву пришлось еще дважды обращаться к кабинет-

министрам. В конце концов, вопрос был решен положительно [см.: Татищев, с. 156–158].

Англичанин Гриф обязался быть при заводах «яко медикусу и химикусу» 3 года, с жалованьем 600 руб., лечить людей и вести «лабораториум для химических экспериментов». В тот же день Татищев заключил контракт и с его помощником, уроженцем Голштинии аптекарем Генрихом Таммом на 3 года, с жалованьем по 96 руб. в год, свободной квартирой «по его достоинству» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 775, л. 224].

1 октября 1734 г. Татищев с командой прибыл в Екатеринбург. Размещали людей, определялись с обязанностями, искали помещение под аптеку. 8 октября Татищев с командой принял управление заводами из рук генерала В. де Геннина. Знаменательно, что в этот же первый день члены новой Канцелярии Главного заводов правления слушали указ Татищева от 8 октября 1734 г. за № 12, шестым пунктом которого предусматривалось: «у обретающихся здесь лекарей о лекарствах остальных и принадлежащих к тому инструментах и сосудах, взяв известие, велеть аптекарю под призором доктора принять и в расход с прочими употреблять, и для содержания аптеки дом построить, как потребно» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 215, л. 11 об.].

Джейкоб Гриф как настоящий «медикус» возглавил всю медицинскую часть на Урале, стал главным консультантом в области медицины и аптечного дела. Аптеку и разместили в половине казенного дома, выделенного ему под жилье. Полистное изучение протоколов заседаний Канцелярии свидетельствует, что именно Гриф стал подавать уральскому начальству доношения о заготовлении припасов, необходимых для аптеки, составлял список медикаментов, заказываемых в Медицинскую канцелярию. Так, 30 ноября 1734 г. на заседании Канцелярии впервые по просьбе Грифа приказано было выдать в аптеку медные доски, тиски, особые весы и гири, «каковы ему надобны», жбан деревянный, вина 8 ведер, уксусу 2 ведра, меду 20 фунтов (фунт – 410 г.), дров на три печи [Там же, л. 356]. Через Грифа в аптеку стали направляться заказы лекарств, необходимых для лечения больных в Екатеринбургском госпитале. 2 декабря 1734 г. Татищев «с товарищи» «приказали рецептом от дохтора, посылаемым к аптекарю об отпуске лекарств, учинить записную книгу, в которую записывать оные лекарства со означением, кому отпустить без денег и кому за деньги давать: окладным и прочим, получающим жалован[ь]е, безденежно, а не окладным и не жалованным, у которых на то вычета нет (по 1 коп. с рубля. – А. С.), тем давать за деньги» [Там же, л. 374 об.].

30 июня 1735 г. начальство рассмотрело доношение Грифа о постройке удобных печей и камина для приготовления лекарств, а для хранения их – погреба, выделения места, где их расположить, определении мастеровых людей к строительству, выдаче припасов. Члены Канцелярии приказали «все сделать немедленно» от Екатеринбургской заводской конторы [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 221, л. 330].

Уже в первый год работы аптеки, весной и летом 1735 г., Гриф организовал сбор уральских лечебных трав для приготовления лекарств. 20 июня начальство на доношение Грифа «о присылке к нему для прииску трав в лекарства Ивана Росковалова, которой де к прииску трав сам охоту имеет», определило: «Оного Коновалова, сыскав, отдать дохтору, а чьей он команды явится, туда дать знать» [Там же, л. 227–228]. 30 июня 1735 г. Гриф получил «на свертку лекарств и трав» и прочие нужды бумагу писчую расхожую одну стопу, на записки – книжную 1 стопу на счет аптеки [Там же, л. 328]. В октябре по доношению екатеринбургского жителя Ивана Рыкова «о выдаче из казны денег за прииск трав в лекарства дохтору Грифу, у которого был майя с 24 до июля по 26 число сего году», предписывалось: по счету «плакатной платы» на счет аптеки выдать 1 руб. 50 коп. [Там же, д. 225, л. 75].

28 декабря 1734 г. Гриф подал список лекарств, которые требовалось приобрести в Москве на 1735 г. [Там же, оп. 1, д. 561, л. 393–396]. Список этот был вручен А. Порошину, ехавшему с многочисленными поручениями в Москву и Санкт-Петербург. Среди приобретенных Порошиным припасов, отправленных на Урал зимним путем с горным надзирателем Алексеем Хрущевым, числились 2 ящика «с аптеки и инструментами, масло деревянное (так называлось тогда оливковое. – А. С.)» [Там же, л. 288].

В декабре 1735 г. именно Гриф подал доношение начальству о приобретении необходимых лекарств на 1736 г. Решено было послать росписи в Медицинскую канцелярию в Москву, чтоб она отдала лекарства «определенному к продаже заводских товаров Друкровцеву, приняла от него деньги, а он отправил лекарства в Екатеринбург [Там же, д. 562, л. 1628]. Лекарства отпускались через Главную аптеку. Прошло более полугода, и в августе 1736 г. пришла промемория из конторы Коммерц-коллегии, что лекарства отправлены из Москвы от секретаря Друкровцева в Екатеринбург с сержантом [Там же, оп. 12, д. 235, л. 236]. Таким образом, от заказа до получения лекарств через медицинское ведомство и Главную аптеку, отсылку в Екатеринбург через контору Коммерц-коллегии ушло более полугода.

Гриф ведал и рассылкой лекарств из аптеки в подчиненные уральской Канцелярии горные начальства. В июле 1736 г. по доношению Томского

и Кузнецкого горного начальства из далекой Сибири, Грифу поручили отпустить требуемые туда лекарства, подав их роспись в Канцелярию с указанием цены [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 234, л. 244]. В августе 1736 г. Дж. Гриф объявил в Канцелярии роспись лекарств, отпущенных в Пермь с тамошним лекарем Гринбергом и постановкой цены их на счет Пермского горного начальства [Там же, д. 235, л. 274].

В апреле 1737 г. уральское начальство поручило Грифу рассмотреть список лекарств, затребованных Томским горным начальством. Список был составлен лекарским учеником Сизиковым для лечения застарелых ран. Гриф подошел к делу ответственно, заявил в доношении: «Оные лекарства послать туда весьма сумнительно, ибо обретающейся тамо ученик Сизиков лекарского дела довольно не знает, а из оных лекарств есть весьма жестокие», если дать излишне или не в те часы, человека можно отравить до смерти. Поэтому А. Хрущев и И. Юдин решили лекарств в Томское начальство не посылать «из-за показанных опасностей» [Там же, оп. 1, д. 677, л. 1289; оп. 12, д. 243, л. 287].

Поначалу Таммом, помощником Грифа, были довольны. 15 декабря 1735 г. уральское начальство даже увеличило ему жалованье по его прошению с 96 до 120 руб. в год с обещанием «впредь, ежели в делах своих будет искусен, то он награждением оставлен не будет» [Там же, д. 227, л. 142]. Тамм выписывал рецепты больным на лекарства, отпускал их бесплатно и за плату, регистрируя выдачу тех и других в особой годовой книге, собирал деньги за проданное лекарство, передавал все документы Грифу. Так, 11 июня 1735 г. Гриф объявил в Канцелярии счет Тамма, 382 рецепта и 40 руб. 42 коп., вырученных за продажу лекарств в первый год работы аптекаря (видимо, с момента получения лекарств на руки в Москве, перед отъездом на Урал). В июле 1737 г. Тамм сам подал доношение о приеме у него «записной 1736 мая 1 до сего 1737 мая по 1 ж число книги лекарствам» и денег 26 руб. 34 коп., и рецептов о вычете у ссыльного за данные лекарства 58 коп. [Там же, д. 221, л. 121; д. 246, л. 34]. Ясно, что отчетный год для аптекаря стал начинаться с даты заключения контракта с ним. Но в целом сумма, собранная за платные лекарства в течение года, не так уж и велика. Видимо, народ, не относящийся к заводскому ведомству – жены и дети работников – лечились у местных знахарей или травмами, которые сами и заготавливали.

По прошествии двух лет работы Тамма мнение о нем изменилось, и в мае 1736 г. уральское начальство начало хлопотать о найме нового аптекаря. В. Н. Татищев и А. Ф. Хрущев промеморией от 29 мая 1736 г. потребовали от Медицинской канцелярии найти другую кандидатуру.

Желающего отправиться в Екатеринбург аптекаря подыскивали в Санкт-Петербурге, но он соглашался заключить контракт на 3 года на следующих условиях: жалованье 400 руб. в год, казенные квартира, дрова и свечи, наличие денщика, оплата проезда туда и обратно за казенный счет. Медицинская канцелярия запросила уральское начальство: принимать ли аптекаря на таких кондициях? [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 775, л. 223].

Татищев и Хрущев в основном выразили согласие: хотя просит оплату немалую, «однако ж для новости» учреждения здесь аптеки и «от того чаемой пользы» заключить контракт на 3 года с жалованьем 400 руб., дачей денщика, выдачей от Коммерц-коллегии на проезд двухмесячного оклада сверх годового жалованья и «на подъем» в зачет жалованья выдать денег на 1/3 года вперед. Но в дело найма аптекаря вмешался появившийся в августе 1736 г. в Петербурге новый орган управления заводами России — Генерал-берг-директориум во главе с А. К. фон Шембергом. Руководство директориума запретило Медицинской канцелярии заключать контракт без его ведома, так как ему «до касающихся нужд до аптеки... неизвестно, и о том впредь рассмотрение учинено будет». Задавался вопрос уральской Канцелярии: желает ли служить аптекарем сам Тамм? [Там же, л. 223–225 об.].

Татищев и Хрущев 27 февраля 1737 г. сообщили в директориум: Тамм служить желает, но дали ему отрицательную характеристику:

«он к тому делу, как усмотрено, не весьма заобычаен, в чем наносится доктору и лекарю излишний труд. А без них на нем одном в том аптекарском деле утвердиться никак не можно, чего ради и находится молодшим аптекарем, а не настоящим, и здесь при аптеке обретается он для крайней необходимой нужды затем, что другого достойного к тому делу сыскать негде. Он же лекарства по рецептам составляет только ис присланных из Главной аптеки из Москвы, а чтоб самому сделать из находящихся здесь трав, того не знает.

А когда б в том знающей был, то б некоторых лекарств немалого числа не понуждены были требовать и деньги платить в Медицинскую канцелярию, которых “на лекарства в год исходит от трехсот до пяти-сот рублей”. А в бытность бы искусного аптекаря от уменьшения за оные платы, могла быть казне немалая прибыль, сверх того ученики определенные, быв при нем, присмотрясь, могли впредь оное сами составлять и делать». Поэтому Татищев и Хрущев просили директориум, чтоб прислан был вместо Тамма другой «искусной и знающей то дело аптекарь». На доношении помета: «докладывано апреля 2 дня 1737 году и велено взять с собою», т. е. Шемберг, глава директориума, дела не решил, забрал доношение с собой в одну из поездок [Там же, л. 228–228 об.].

Поскольку 1 мая 1737 г. срок контракта Тамма истекал, доктору Грифу предписывалось принять у него лекарства, «счесть его». Но Гриф отговорился: поскольку занят лечением больных, а на прием лекарств требуется около полугода, он предложил удержать Тамма в Екатеринбурге до прибытия нового аптекаря. Начальство с этим предложением согласилось [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 244, л. 4].

Тамм был рад такому повороту событий, подал доношение начальству с просьбой принять его к «правлению» аптеки и одновременно определить к бухгалтерским делам вместо умершего бухгалтера Грия с мая по сентябрь 1737 г., с жалованьем не менее 200 руб. в год; дать в аптеку другого ученика, а по прибытии аптекаря, если он, Тамм, к бухгалтерским делам окажется способным, заключить новый контракт. Ясно, что он всеми способами хотел закрепиться в Екатеринбурге, не желал возвращаться в Ригу на прежнее место жительства.

21 мая 1737 г. Татищев с Хрущевым и Юдиным на просьбу Тамма вынесли такое определение: хотя Тамм «в своем аптекарском деле не весьма искусен, к тому ж и доктор показывал на него некоторое подозрение», но ни остановить работу аптеки, ни Тамма отпустить без счета нельзя. Поэтому до присылки аптекаря и бухгалтера быть ему у правления аптеки и бухгалтерских дел с жалованьем по 15 руб. в месяц (т. е. 180 руб. в год), дать ученика с жалованьем 12 руб. в год. Если пожелает быть на этих условиях, принять. Тамм согласился, 28 мая последовало решение: контракт подписать [Там же, л. 188–189, 257].

В это время Татищев направляет в столицу личное доношение, полученное там 20 июня 1737 г. Он пишет: «в добром аптекаре и лекаре старшем здесь состоит крайняя нужда»: ныне аптекарю срок минул, «кроме того, он не весьма искусен и благонадежен», но лекарства без аптекаря оставить «не безвредно». Поэтому он удержан еще на 4 месяца.

Татищев сообщил ценную для нас информацию о распространении в Екатеринбурге в это время заразной болезни: с мая «так болезнь огневая стала умножаться, что при здешнем заводе советник, ассессоры и все управители, большая часть подьячих, мастеров же и работников более половины заболели, которых в госпиталь уместить невозможно». Поэтому Татищев Грифа удержал еще на год, дал ему двух денщиков и некое награждение от себя, обещал о прибавке жалованья писать в директориум и Медицинскую коллегию. «Лекарь и сам болен, исправляться возможности не имеет, но послать некого».

К доношению Татищев приложил ведомость о больных, составленную полицмейстером Екатеринбурга Карлом Брандтом и Иваном Ащери-

ным: в Канцелярии больны 18 человек; в Конторе судных и земских дел – 19 человек (6 мужчин, 4 женщины, 9 детей); в Казначейской – 35 больных (14 мужчин, 11 женщин, 10 детей); в заводских конторах – 404 человека (226 мужчин, 178 женщин, 2 умерло); в Конторе денежного двора – 87 мужчин, 58 женщин, всего 145; Екатеринбургской роты солдат – 38, 43 жены, 26 детей (108 человек); екатеринбургских школ учителей – 6 человек, 159 учеников; в каторжном дворе – 112 человек; «живущих за городом» – 115 мужчин, 77 женщин, 27 детей (219 человек). Итого больных 818 мужчин, 393 женщины, 81 ребенок, 2 умерли, т. е. всего – 1 290 человек. Татищев просил «искусных лекаря и аптекаря как наискорее сюда прислать» [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1063, л. 494–496].

Указом Генерал-берг-директориума от 22 июня 1737 г. за подписью советника В. Райзера, прибывшим в Екатеринбург 25 июля, сообщалось: о присылке аптекаря – 8 июня, а лекаря – 21 июня определено: требовать от Медицинской канцелярии, а о поиске главного аптекаря необходима резолюция от генерала берг-директора фон Шемберга, и о том ведать [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 40, л. 338]. Таким образом, вопрос так и не был решен окончательно.

Тем временем 3 июня 1737 г. в Екатеринбург прибыл капрал из столицы с именным указом от 5 мая о пожаловании Татищева чином тайного советника и новом назначении – руководителем Оренбургской экспедиции вместо умершего Ивана Кирилова [РГАДА, ф. 248, оп. 22, д. 1538, л. 198]. Оренбургская экспедиция была создана в 1734 г. для изучения Южного Урала, его природы, хозяйства, населения, этнографии, проведения картографических съемок местности, строительства крепостей и заводов, города Оренбурга. Татищев должен был немедленно отправляться в Самару, где располагалось руководство экспедиции, уладив заводские дела. При этом от руководства заводами Урала и Сибири он не освобождался.

За две недели до отъезда, 13 июня 1737 г., Татищев снова отправляет доношение в Генерал-берг-директориум, сообщает, что Гриф более служить при заводах не желает, заключил контракт о службе при Оренбургской экспедиции до 1740 г. Лекарь Сименс тоже служить не желает, «штап-лекарь» Спринцель умер, вместо него «требуется» человек от Кабинета министров 9 февраля 1736 г., но не был прислан. Здесь без доктора и штап-лекаря никак не обойтись. Татищев просил прислать других достойных. Из директориума перевод этого доношения на немецкий язык был отправлен лично берг-директору Шембергу в город Архангельск «через немецкую почту» 22 августа, т. е. вопрос опять остался без решения [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1063, л. 499].

27 июня 1737 г. Гриф вместе с Татищевым покинули Екатеринбург. Все дела при аптеке стал вести Тамм. Заключив новый контракт на 4 месяца (май-август 1737 г.), он сам стал подавать в Канцелярию доношения, касающиеся лекарств и припасов, необходимых для аптеки. Уже 23 июня ему пришлось доложить начальству, что не может сочинить счет на лекарства, необходимые на 1738-й год [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 678, л. 768 об.].

В июле 1737 г. Тамм потребовал в аптеку «холста среднего» 100 аршин, т. е. 72 м (судя по документам, из холста делались салфетки, на них наносились мази и прикладывались к ранам), к составлению лекарств требовалось вина простого 5 ведер, уксуса 2 ведра, масла «деревянного» (оливкового) 20 фунтов, а также «свежих сердец, печенок и лехкова от диких лисиц». Все это начальство предписало купить Казначейской конторе через «купчину» и отдать Тамму с распиской, поставив на счет аптеки [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 246, л. 47].

В августе 1737 г. Тамм запросил 2 фунта ревеня и два ножа. О ревене приказали справиться с таможенной, есть ли там, или писать в Санкт-Петербургскую губернскую канцелярию, чтоб до 10 фунтов слали для подобных случаев. Начальство констатировало: «Ревеня на стороне в продаже нет», т. е. его на Урале, видимо, еще не выращивали. Ножи приказано было сделать от Екатеринбургской заводской конторы [Там же, д. 247, л. 78–79].

После отъезда Татищева и Грифа Тамму захотелось улучшить свои жилищные условия: 7 июля заслушивалось доношение «об отводе ему житья с ученики, людьми и для содержания медикаментов и материалов квартиры, в которой жил доктор Гриф». На что начальство постановило: «объявить, чтоб он был доволен теми покаями, в которых жил при докторе, а в другие покои не вступаться» [Там же, д. 246, л. 39].

В августе Тамм сообщил о своем желании быть только у аптекарской должности на два года с жалованьем 200 руб. в год с условием: если получит квартиру, «на аптеку и лекарства место довольное», свечи, дрова казенные и по заключении контракта будет отпущен в отпуск в Ригу на 4 месяца. 31 августа начальство вынесло предварительное решение: если желает быть с прежним жалованьем по 120 руб. и на прежних основаниях, то принять, если нет, дать прогоны до Петербурга, а за лекарствами присматривать до прибытия другого аптекаря лекарю [Там же, д. 247, л. 229–230].

По-видимому, Тамма эти условия не устроили, и 9 сентября 1737 г. последовало решение уральского начальства: Тамма не принимать, «за тем, что он в своем деле явился малоискусен... также и бухгалтерское дело, как по содержанию его видно, мало знает, зачем и сам от одного отрекся»,

жалованья же просит «надмерно много». Отпустить в директориум, дать 2 подводы, прогоны до Санкт-Петербурга, хотя по контракту – до Риги, но расстояние до нее от столицы неизвестно. Поскольку «в аптекаре имеетца здесь крайняя нужда», просить, чтоб прислан был другой, «которой бы знал в составлении лекарств и в травах силу существенную и практику». Лекарства, деньги за них, рецепты и книги пересмотреть лекарю; что останется, подать рапорт, смотреть над этим «и в составлении лекарств учеником показывать ему ж». Таким образом, обязанности аптекаря на время, с сентября 1737 г., переходили к лекарю, а единственным лекарем в Екатеринбурге в это время оставался Эвергарт Сименс, нанятый Татищевым в марте 1734 г. в Петербурге, где он служил подлекарем в Кадетском корпусе. Оказалось, что Тамм одалживал деньгами нуждающихся и не мог вернуть с них долги, поскольку начальство предписало: с должниками, если они ему добровольно платить не будут, «ведаться судом», а аттестата ему не давать «за вышеписанными резоны», т. е. по причине плохой работы [Там же, д. 248, л. 94–95.].

Тем временем 19 сентября 1737 г. в Екатеринбурге получили указ Генерал-берг-директориума от 12 июля 1737 г. об аптекаре, что его «за погорением Московской и Санкт-петербургской аптек послать нельзя», прислан будет «по исправлению во оных медикаментов». Копия с этого указа была отправлена для известия Татищеву в Самару [Там же, л. 298].

Только 13 января 1738 г. в Канцелярии Главного заводов правления был составлен рапорт в директориум об отправке Тамма в столицу. Видимо, до этого срока Тамм оставался в Екатеринбурге – ждал установления зимнего пути и надежных попутчиков. Уральское начальство снова жаловалось на крайнюю нужду в аптекаре и бухгалтере. Сообщалось, что до присылки нового аптекаря лекарства, которые имел на руках Тамм, «поручены в смотрение» Сименсу, а бухгалтерское дело – надзирателю счетов. Тамм просил аттестата, но ему отказали. Жалованье по 180 руб. оклада он получил по 27 сентября 1737 г., т. е. это и есть дата завершения работы аптекаря Тамма в Екатеринбурге. Рапорт этот заслушивался в директориуме 1 марта. От столицы до Риги на 511 верст Тамму выдали на подставные подводы еще 12 руб. 26 коп. на счет уральских заводов (по 12 коп. на каждые 10 верст на лошадь) [РГАДА, ф. 271, оп. 1, д. 1074, л. 461–461 об.].

Между тем до прибытия нового аптекаря из столицы лекарствами и аптекой стал ведать лекарь Сименс, вероятно, с 9 по 27 сентября он принимал аптеку у Тамма. 15 ноября 1737 г. Сименс предупредил Канцелярию, что больше служить не желает, просил отпустить его по оконча-

нии контракта в Медицинскую канцелярию и требовать на его место за-благовременно другого. По контракту время службы Сименса истекало 29 марта 1738 г. Начальство согласилось: Сименса «за сроком» не держать, если лекарь не прибудет из столицы, вызвать из Перми на время Гринберга. О присылке лекарей еще раз предложить Генерал-берг-директориуму [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 250, л. 149].

В протоколах Канцелярии сохранились решения о выдаче различных припасов в госпиталь, аптеку по доношениям Сименса: в июле 1737 г. он потребовал в госпиталь «к собиранию человеческих костей проволоки медной трех фунтов да железного стана». Проволока была куплена, «стан» сделан, таким образом, при Екатеринбургском госпитале появилось ценное наглядное пособие для усвоения анатомии лекарскими учениками. В ноябре 1737 г. Сименс потребовал на приготовление лекарств меда, патоки, масла конопляного по полпуда (по 8 кг), вина простого 10 ведер, сала свиного свежего 15 фунтов (более 6 кг), свеч 1 пуд [Там же, д. 246, л. 79; д. 250, л. 245].

В декабре 1737 г. в Екатеринбург пришла крупная партия лекарств при доношении надзирателя Егошихинского завода с солдатом Воробьевым как «аптека, присланная из Генерал-берг-директориума». Сименсу поручили получить ее, сколько лекарств, какой ценой – отрапортовать. Поскольку никакого документа к лекарствам не прилагалось, начальство решило справиться с Медицинской канцелярией, только ли оттуда они посланы [Там же, д. 251, л. 44, 246]. Странно, что не последовало решения о сверке присланной партии с отправленными ранее заказами лекарств в центр. После отъезда Грифа, составлявшего заказы и принимавшего их, начальство чувствовало себя явно растерянным. Между тем в июне 1737 г. в Медицинскую канцелярию был отправлен из Екатеринбурга заказ на лекарства и посуду с просьбой оплатить его Генерал-берг-директориуму за счет заводов [Там же, д. 245, л. 331–332]. Директориум и отправил лекарства на Урал с оказией через Пермь.

Указ Татищева об отпуске Сименса в Петербург от 31 декабря 1737 г. был получен в Екатеринбурге 11 января 1738 г. Уральское начальство определило: дать за 1/3 года жалованье, прогоны на 3 подводы, ибо другой лекарь, Шнезе, из Петербурга прибыл и на его должность определен. Но Татищев указом из Уфы 1 февраля приказал прогоны платить Сименсу самому, «для того, что он едет для своих нужд» (до истечения срока контракта) [Там же, д. 41, л. 57].

По прибытии в столицу 2 октября 1738 г. (т. е. задержался в Екатеринбурге тоже надолго, как и Тамм) Сименс подал челобитную в Гене-

рал-берг-директориум о выдаче жалованья за месяц задержки в Екатеринбурге. Сказкой Сименс объявил, что «по май 1738 г. был у отдачи аптеки, лекарств и инструментов лекарю Шнезе». 3 июня они подали рапорт «за обеими руками», и с этого числа Сименс был отпущен. Директориум разрешил выдачу жалованья, но предписал уральскому начальству: приехавших не удерживать впредь дольше срока, а если дольше будут жить, обязывать сказками об отказе от жалованья [Там же, оп. 1, д. 782, л. 6–8]. Примечательно, что Сименс очень долго добирался до столицы, был в пути до 30 августа: сухим путем ехать побоялся, «опасно, ибо башкирцы по тому тракту великое разорение и убивство чинят», искал попутчиков, от Екатеринбурга до Нижнего Новгорода добирался водным путем (т. е. от Перми по Каме, затем по Волге), а потом на подводках [РГАДА, ф. 271, оп.1, д. 1074, л. 863–866].

Документы об отъезде Тамма, Сименса свидетельствуют, что после окончания контракта они не сразу покидали Екатеринбург, передача дел вновь прибывшему на смену медику занимала много дополнительного времени, и обратная дорога растягивалась порой на долгое время в связи с непредвиденными обстоятельствами.

Лекарь Иоганн Христофор Шнезе, уроженец герцогства Брауншвейг-Вольфенбюттельского (Н. Корепанов называл родиной Шнезе герцогство Брауншвейг, но оно было образовано в 1814 г., или Саксонию), прибыл в Екатеринбург при указе директориума от 4 августа 1737 г. только 8 декабря 1737 г. 17 декабря заслушивался вопрос о его явке на заседании уральского начальства [Там же, л. 860 об.; д. 1063, л. 611]. Видимо, он не решился ехать водным путем по Волге, Каме до Перми, ожидал установления зимнего пути. Таким образом, затягивался не только отъезд, но и приезд медиков в Екатеринбург, последнее, конечно, затрагивало интересы уральских жителей.

Указом директориума Иоганну Шнезе предписывалось быть «у пользования здешних служителей и мастеровых людей» вместе с Сименсом, дать ему казенную квартиру, о прибытии рапортовать в директориум и Татищеву [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 251, л. 137–138]. Жалованье ему было определено в соответствии с заводскими штатами 1737 г. 250 руб. в год. Шнезе, по-сути, был прислан на замену умершего в феврале 1736 г. штаб-лекаря Спринцеля. Почти два года должность была вакантна, и мы видим, каких усилий стоило уральскому начальству добиться ее занятия. Только 3 июня 1738 г. он закончил прием аптеки, лекарств у Сименса и, помимо службы в госпитале, стал заниматься приготовлением лекарств до прибытия из столицы нового аптекаря, т. е. материалов в аптеке было так

много, что их счет и прием занял полгода (из-за одновременной работы в госпитале в качестве лекаря), как и полагал когда-то доктор Гриф [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 802, л. 30 об.].

Но к исполнению своих обязанностей Шнезе приступил сразу же, о чем свидетельствуют протоколы заседаний Канцелярии. В январе 1738 г. просил выдать ему склянок, пузырьков, бутылок, бумаги писчей стопу (480 листов), серой – 50 листов [Там же, д. 746, л. 34–36]. В марте 1738 г. Шнезе потребовал в госпиталь постели с подушками и 4 мягких одеяла, 10 простыней; в аптеку – «ветошек старых 200», скипидару 5 фунтов; глины московской на горшки в гончарную, сколько потребует мастер; «канфоров» железных 2, в т. ч. большой (по Далю, канфорка, камфорка – ручная кухня, снаряд для варки чего-либо без печи, в комнатах); «мех ручной небольшой для дутья разных лекарств», холста среднего 100 аршин, 2 кастрюли медных, в т. ч. 1 большую, 2 котла с ушатом медных. Начальство приказало все выдать, как положено по Регламенту адмиралтейскому [Там же, л. 895–895 об.].

Пока Шнезе принимал аптеку у Сименса, 19 мая 1738 г. в Екатеринбург пришел долгожданный указ Генерал-берг-директориума от 6 марта о назначении нового аптекаря вместо Тамма. Сообщалось, что по требованию уральского начальства медицинское ведомство представило Кезлина, который просил жалованье 400 руб. в год, квартиру, дрова, свечи, но директориум 21 января 1738 г. «для такого великого оклада» отказал и решил отправить на Урал прибывшего с Олонецких и Петровских заводов бергмейстера Мейндерса. Тот представил, что «для учреждения аптеки» в Екатеринбурге желает быть 5 лет с прибавкой жалованья, просил дать 6 подвод с сопровождением двух солдат до Екатеринбурга и на обратный путь. «А при оной бы аптеке Екатеринбургской иметь ему главную инспекцию и при тамошнем медицинском фоку[ль]тете быть, и определить ево за вышепоказанное обер-инспектором над оными... и придать ему аптекарского гезеля, которой бы мог всегда ему в аптеке помощником быть» и дать работника с Олонецких заводов Козьму Алексеева.

Гезель – слово немецкое, это помощник или ученик при аптекаре, а работник Алексеев должен был служить при Мейндерсе вроде денщика. На Петровских заводах Мейндерс получил жалованье за 1737 г. полностью – 400 руб. Судя по требованиям Мейндерса, он знал себе цену, имел опыт работы при заводах, поэтому хотел утвердить свое особое положение как старшего медика в Екатеринбурге.

Руководство Генерал-берг-директориума, Шемберг и Райзер, решили: принять Мейндерса для содержания аптеки и надзирания госпиталя

и лазаретов на 5 лет, числиться ему главным провизором, а ранг иметь прежний, бергмейстера, т. е. IX класса Табели о рангах. Ему выдали жалование по 400-рублевому окладу на полгода вперед, разрешили взять с собой работника Алексеева и солдата до Москвы [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 41, л. 290–291]. Н. С. Корепанов отмечает, что Мейндерс был саксонцем, поначалу гезелем, т. е. подлекарем [см.: Корепанов, 2005, с. 44]. Как видим, это не так, он сразу же был назначен главным провизором, т. е. специалистом высокой категории и, напротив, требовал себе помощника, гезеля.

Приступив к должности в августе 1738 г., 1 октября Мейндерс принял от Шнезе все имеющиеся в аптеке лекарства, материалы и пр. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1059, л. 6]. В ноябре 1738 г., подавая начальству «инфентариум» принятого, Мейндерс предложил: «в аптеку по усмотрению моему надлежит прислать от Медицинской канцелярии зимним путем материалов во избежание убытка в провозе сразу же года на два или на три». Он составил и приложил этим материалам каталог [Там же, д. 808, л. 1340–1364]. Таким образом, Мейндерс сразу же проявлял себя инициативным провизором (от лат. *pro* – пред, *visor* – вижу, предвидящий, заготавливающий) – образованным специалистом в сфере изготовления, хранения и продажи медикаментов.

Члены Канцелярии (Л. Угримов, Г. Клеопин, Т. Бурцев) обратились к Татищеву: каталог составлен на немецком, «познать невозможно», potrebno ли такое количество, рассмотреть некому, поэтому предложили в Самаре показать список доктору Грифу – надлежащее ли число материалов требует аптекарь и умеренное ли? Заказать лекарства в центр предлагалось самому Татищеву из Самары [Там же, л. 1341].

Мейндерс рьяно взялся за обустройство аптеки по своему усмотрению. В январе 1739 г. потребовал дать ему маляра, красок и золота для написания на склянках, горшках и прочих сосудах названий их содержимого, чтоб скорее можно было найти нужное снадобье. Начальство поручило учителю Екатеринбургской школы рисования Федору Аврамову осмотреть фронт работ. В марте требуемые Аврамовым краски и прочие материалы предписывалось отпустить от Канцелярии с распиской; чего нет – купить Казначейской конторе [Там же, оп. 12, д. 264, л. 349; д. 266, л. 204].

13 апреля 1739 г. начальство заслушало доношение Мейндерса о выдаче в аптеку кайлов и железных лопаток и предписало сделать их заводской конторе. На следующий день слушало его же доношение о том, что заказанные Шнезе и Мейндерсом лекарства из Медицинской канцелярии не присланы, и в аптеке не имеется склянок и пузырьков. Начальство предписало: ожидать поступления лекарств, с первым же случаем послать

промеморию в Московскую контору директориума, «чтоб оные, не замешкав, присланы были» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 267, л. 150, 175].

Той же весной (1739) Мейндерс поставил перед начальством вопрос о выделении земельного участка для разведения растений, необходимых для приготовления лекарств. Предполагал, видимо, использовать огород при доме В. Н. Татищева, построенном в 1735 г. на Вознесенской горке, за городом, на месте, где сейчас стоит храм Вознесения Господня. 11 мая заводская контора запрашивала Канцелярию, не повелено ли будет главному провизору Мейндерсу для аптеки под сад отвести место, где прежде был огород советника Томилова (капитан Антон Томилов, будущий президент Берг-коллегии, возглавлял присутствие в Сибирском обер-бергамте в 1729–1732 гг.). Начальство согласилось: учредить там, так как огород при доме Татищева к тому «неспособен»: земля для сеяния плоха, один навоз [Там же, д. 268, л. 76]. Становится понятным, зачем Мейндерс заказывал кайла и лопаты в апреле месяце: решил заранее приготовить орудия труда для обработки почвы, чтобы выращивать необходимые для лечения больных растения. Если Гриф организовывал сбор полевых, лесных трав, то Мейндерс решил сам заняться их выращиванием.

Но следует отдать должное Мейндерсу: он сразу же после вступления в должность начал запасать травы для лечения больных. Об этом свидетельствует его рапорт, поданный в октябре 1739 г. в Канцелярию: «с прибытия моего сюда, в Екатеринбург, коликое число запасено мною в здешнюю аптеку трав и кореньев, из которых лекарство сочиняется, оным при сем прилагаю роспись со объявлением цены... против Москвы, без провоза». Заметим, из трав и кореньев в аптеке «сочинялись» лекарства, т. е. составлялись сложные сборы. При этом Мейндерс продемонстрировал желание и в будущем заниматься этим, заявив: и впредь можно в аптеку травы поставлять, а не из Москвы выписывать. Роспись на латинском языке заняла 4 листа. Среди заготовленных трав числились мелисса, майоран, календула, иссоп, мак и др. [Там же, оп. 1, д. 808, л. 347–351].

16 июня 1741 г. Мейндерс подал доношение начальству о намерении «ехать чрез Багаряцкую до Течинской слободы для сыску... трав и коренья к сочинению лекарств, понеже при здешних ближних слободах таких трав не сыскиваетца», и просил выделить для этой поездки 6 казенных лошадей с хомутами и телегами, 3 конюхов, солдата с ружьем, подорожную и указ об обеспечении конвоем «от места до места по надлежащему пути». Мейндерса сопровождали аптекарский ученик Емельян Углов и работник Козьма Лобанов, прибывший с ним с Олонецких заводов. Начальство удовлетворило все требования аптекаря, включая «прочетный указ» о выде-

лении конвоя от Багаряжской слободы до Течи, «смотря по опасности» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 894, л. 526–527 об.].

Еще в августе 1739 г. Мейндерс подал в Канцелярию доношение: при аптеке определен один ученик, а из присланных ныне припасов будут заготавливаться при той аптеке лекарства, и «одним учеником исправить-ся никак будет невозможно». Просил дать из школьников еще одного, который бы мог по-немецки или по-латыни читать и писать, «ибо медицинские книги на тех языках». К аптеке Мейндерс потребовал также сделать по приложенным чертежам иготь чугунную, т. е. ступу – медная имеется, но, по его словам, от жесткости некоторых припасов избивается; сделать пестик железный; для содержания лекарств изготовить из меди 20 ящичков и 20 кружек, хорошо вылудив их как снаружи, так и изнутри. Начальство через неделю предписало: припасы сделать на Верх-Исетском заводе, кружки – от Екатеринбургской заводской конторы; выяснить, сколько при аптеке полагается учеников, сколько есть, «немедленно предложить» [Там же, л. 566–568].

Однако прошло почти 3 месяца и только 26 октября, заслушав выписки о штате служащих при аптеке, постановили: ученика аптекарю дать, знающего по-немецки и по-латыни, кроме церковно-служительских детей, «до усмотрения о нем» давать жалованье по 1 руб. в месяц. По штату же заводов 1735 г. при аптеке полагалось иметь два ученика с жалованьем по 18 руб., по штату 1737 г. – жалованье каждому увеличивалось до 33 руб., но имелся один ученик, которому платили 12 руб. в год [Там же, л. 572, 575].

21 декабря 1739 г. Мейндерс подал в Канцелярию доношение: за рассылкой из аптеки на заводы и в другие места лекарств осталось материалов малое число, ныне в них крайняя нужда, и, если вдруг куда потребуется, посылать будет почти нечего. Надо материалы, стеклянную посуду, горшочки, указанные в росписи, требовать из Московской медицинской конторы, чтобы прислали зимой. Сообщить и о прежде заказанных материалах, без которых медикаменты приготовить невозможно. Начальство распорядилось: отослать копию росписи в Москву, в контору Генералберг-директориума, и требовать присылки, как и по прежним приказам. Роспись *Catalogum matherialium* занимала 1,5 листа [Там же, д. 808, л. 1173–1176], т. е. заказывать медикаменты разом на 2–3 года не получилось: не все было прислано из большого заказа 1738 г.

30 октября 1741 г. Мейндерс потребовал, чтобы начальство заказало в Медицинскую канцелярию для аптеки несколько сосудов «для содержания лекарств», материалы и семена для посадки к летнему времени,

3 ланцета «для шпилирования», «ибо их здесь вышпилировать против тамошнего не умеют» и просил доставить все это в Екатеринбург зимним путем. Начальство отправило подлинник «Росписи материалов» в Генерал-берг-директориум, а перевод росписи остался в деле. В ней числилось 31 название материалов, названия которых с латинского в несколько искаженном виде были переданы в русской транскрипции с указанием количества в фунтах, среди них: 1 фунт крокуса, по 2 фунта розмарина, кардамона, «фолия лаури» (камфоры), ладана, аммиака; 3 фунта мирры (ароматической смолы), 4 – «флорус лавендули» (цветов лаванды), 5 – «олибанума» (смолы ладанного дерева), по 6 – «колофони» (живицы, смолы, выделяемой из разрезов хвойных деревьев) и «радикс куркуме» (куркумы); 10 фунтов «антимониум крудум» (сурьмы, полуметалла), 20 фунтов «цитрини» (полудрагоценного камня лимонного окраса, почитаемого за целебным) и др.

В росписи фигурирует 10 названий семян лекарственных трав, подлежащих разведению в аптекарском огороде Екатеринбурга, среди них: «картами» (шафран), кохлеария (ложечница, лучшее средство от цинги), куркумин, «гисопи» (иссоп), ливистици (любисток), «мелис цитрат» (мелисса), настурция, майоран, «сальвис» (шалфей).

Мейндерс заказал множество сосудов различных размеров: «шести-фунтовых скляниц» и вмещающих 3 фунта – по 10 шт., на 2 фунта – 40, от фунта до полуфунта – 80. Заказывалось три вида пузырьков по 300 шт.: вмещающих от 6 до 3 унций, от 2 до ½ унции, от ½ унции до 2 драхм, кроме того: «малых фунтовых колбов № 10, ацетум вини поланкерка, два полотна самых тонких чистых сит или совсем сделанных сит, вервенных ниток 2 фунта, старых ветхих рубаш № 200». Из одного этого заказа следует, что сосудов и скляночек в екатеринбургской аптеке было очень много. Обращает на себя внимание и заказ в центр ветхих рубаш, которые шли на медицинские нужды [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 894, л. 558–560].

По прошествии месяца, 5 декабря 1741 г., Мейндерс вновь обратился к уральскому начальству: присылаются из Канцелярии в аптеку «раждаемые уроды для поставления в спиртус, а при здешней аптеке такой посуды не имеетца», и он просит заблаговременно представить в контору Генерал-берг-директориума в Москву, чтобы были высланы вместе с прежним заказом 10 стеклянных сосудов с широким горлом: 5 размером 7,5 на 4,5 вершка и столько же размером 9,5 на 5,5 вершка (вершок – 4,4 см) [Там же, л. 575]. Следует отметить, все заказы аптекарей принимались к исполнению Канцелярией, отказов не было.

В конце 1739–1741 гг. уральскому начальству пришлось долго решать вопрос с обеспечением нужд аптеки в простом вине, которое шло на из-

готовление лекарств и выдавалось из аптеки в госпиталь для припарок больным. 15 ноября 1739 г. Мейндерс сообщил, что 5 ведер с вином, выданных в конце августа, израсходованы, просил купить побольше, чтоб не докучать частыми просьбами. Еще 5 ведер с вином, по предложению Мейндерса, решили купить на таможне, но впредь покупать не в кабаке при таможне, а у подрядчиков по цене, по какой они поставляют казне, в день поставки [Там же, л. 540–540 об.]. Но таможня без повелительного указа Сибирской губернской канцелярии продавать таким способом отказалась.

Начальство, выяснив, что аптеке только на собственные нужды, без поставок в госпиталь, требуется 50 ведер вина ежегодно, начало переговоры с поставщиками вина на таможню. Вятчане из города Хлынова без позволения хозяев подписать договор отказались. Содержатель Невьянской винокурни серб Милутинович в апреле 1740 г. согласился после Покрова продать 50 ведер с условием, чтоб прислали приемщика от аптеки с посудой, деньгами и подводами к нему на винокурню. Владелец Бобровской винокурни Никита Петров, подрядившийся на 1741 г. поставить вина до 2 000 ведер по цене 68 коп. за ведро, согласился продать в аптеку 50 ведер по цене не менее 80 коп. за ведро [Там же, л. 544–548].

Уральское начальство обратилось к Сибирской губернской канцелярии, чтобы та не запрещала таможне, находившейся в ее ведении, отпускать вино на казенные нужды по более низкой цене, но сибирские власти позволили отпускать в аптеку не более 50 ведер «по продажной цене с прибавочными и поведерными деньгами», чтобы в питейных сборах не было недобора [Там же, л. 551]. Тогда 30 октября 1741 г. уральское начальство решило: вино в аптеку, госпиталь, «сколько потребно будет, покупать у подрядчиков с винокурен по договорной с ними цене» и предоставить об этом в Генерал-берг-директориум, ибо подрядчики могут отдать ведро дешевле рубля, а в кабаке от таможни отпускается ведро свыше 2 руб., и на аптеку и госпиталь «приходит немалое возвышение» в цене. Между тем предписывалось Казначейской конторе купить 50 ведер от таможни, т. е. по высокой цене [Там же, л. 555].

Лекарства, составленные Мейндерсом, продолжали рассылаться и по другим заводам, причем не только Урала, но и Сибири. Так, в январе 1740 г. Мейндерс объявил в доношении Канцелярии роспись лекарств для отправки в Пермь. В ноябре 1746 г. он рапортовал начальству об изготовленных и закупоренных в ящик лекарствах для отправки в Якутскую заводскую контору на 20 руб. 86 коп. [Там же, оп. 12, д. 276, л. 131; д. 358, л. 101]. При этом цена за отправленные лекарства ставилась на счет тех заводов, куда они доставлялись.

Была налажена отчетность о наличии больных в периферийных госпиталях и использованных на их излечение лекарствах: лекари подавали доношения об этом по третям года в свои начальства, те отправляли свои доношения в уральскую Канцелярию. В случае нужды в дополнительных медикаментах Канцелярия требовала их поставки от Екатеринбургской аптеки.

Имелись случаи нехватки присланных лекарств, просьбы об их дополнительной присылке. Так, в феврале 1741 г. Иоганн Гринберг, отчитываясь о лекарствах за последнюю треть 1740 г., просил срочно прислать зимним путем недостающие медикаменты, «ибо многие присылаемые служители с заводов из гошпиталя отсылаютца без ысцеления и от того только происходит волокита и убыток». Заметим, что госпиталь на Егошихинском заводе обслуживал работников и других казенных заводов: Мотовилихинского, Юговского Верхнего и Нижнего, Пыскорского, Висимского и расположенных при них рудников. Отправка лекарств в Пермь затянулась до середины мая и «за великими грязьми» ящик с медикаментами пришлось отправлять с капралом на подводе до Уткинской пристани (68 верст), а от пристани до Пермского начальства водным путем. Вместо найма лодки в сопровождении солдат (охранников и гребцов) удалось договориться со служителем Юговского завода Осокина, сопровождавшего денежную казну, он доставил капрала на своем судне в счет предоставленного казенного конвоя [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 894, л. 562–568]. Приходилось тщательно закупоривать лекарства в склянки, делать пробки из кожи и пузыря, скреплять печатью Канцелярии, паковать в ящик. Порой лекарства протекали. Так, Пермское горное начальство, получив медикаменты, в июне 1741 г. рапортовало, что печать цела, но некоторые вещи снизу подмочены, «у антимонии через пробку была теча, кожу и пузырь... съело». Все лекарства в присутствии главы начальства взвесили, отправили список, указав, где явилось «сходно», «лишку», где некоторый недостаток [Там же, л. 570–573].

С другой стороны, то же Пермское начальство отправляло для Екатеринбургской аптеки ягоды можжевельника, произраставшего в Пермском крае, использовавшиеся для изготовления лекарств. Целебные свойства этих ягод были известны со времен Древней Греции и Рима. Так, 1 февраля 1745 г. лекарь Гринберг объявил об отсылке в Екатеринбург «к сочинению лекарств вересовых, тож и можжевесных ягод два с половиною пуда», в марте они были переданы в аптеку, после очистки от сора их осталось 2 пуда. Оказалось, что собирали их 10 учеников Егошихинской словесной школы три дня, за эту работу им причиталось 25 коп., т. е. пуд обошелся аптеке 10 коп. [Там же, д. 1069, л. 64–67 об.].

Интересный документ, характеризующий деятельность аптеки в Екатеринбурге, появился благодаря запросу комиссии во главе с А. В. Безром, отправленной из столицы для проверки деятельности алтайских заводов А. Н. Демидова, переданных по итогам ее деятельности в 1747 г. во владение царской семьи, под управление Кабинета Е. И. В. По пути в Сибирь, во время пребывания в Екатеринбурге в 1745 г., Безр интересовался работой уральских заводов, в т. ч. аптеки, запросил, на какую сумму отпускалось медикаментов из аптеки ежегодно в течение 10 лет, «считаются» ли лекари, принимающие лекарства из аптеки, на какую сумму получают их, сколько в остатке имеется в аптеке материалов. По-видимому, делалась прикидка в отношении будущего алтайских заводов.

Мейндерс 11 августа 1745 г. ответил, что за 10 лет счет сочинить невозможно, ибо он принял аптеку от Шнезе 1 октября 1738 г., «при которой никаких книг, щетов и рецептов не имелось», о принятии есть рапорт. За годы службы Мейндерса госпиталь Екатеринбурга получил из аптеки материалов на 1 774 руб. 24 коп., 7 заводов – на 696 руб. 23 $\frac{3}{4}$ коп., Оренбургская и Колыванская экспедиции – на 27 руб. 57 коп.; за 7 лет отдано из аптеки в казначейскую контору 433 руб. 5 коп. (полученных за выдачу платных лекарств. – А. С.); из этой же конторы принято в аптеку «всяких материалов» на 316 руб. 37 коп.

Сочинять счета лекарям о принятых медикаментах невозможно, для этого следовало бы в каждом госпитале «разумеющего писаря иметь», чтоб он весь день записывал лекарства, раздаваемые в каплях, и пластыри, намазываемые на холстины, разрезанные на малые части и прикладываемые к ранам больным. Да и в инструкции Канцелярии о таких счетах не упоминалось. О наличных материалах и лекарствах счет составить невозможно, если взвешивать медикаменты, «которых [на] тысячи рублей будет», надо иметь двух помощников, а с двумя учениками на это уйдет с полгода, лекарства готовить некогда будет; при переливании склянок многое прольется, «к тому же нигде такого обыкновения не имеется и не слыхано, чтоб аптеки перевешивать» [Там же, д. 1059, л. 6–6 об., 6 а].

Далее Мейндерс приводит данные о ценах на медикаменты и материалы, отпущенные из аптеки безденежно в госпиталь, на другие заводы, лазареты и служителям по годам, свидетельствующие о росте этих расходов: если в 1739 г. они составили 315 руб. 34 коп., в 1740 г. – 411 руб., то в 1743 г. – 827 руб. 1,5 коп., в 1744 – 854 руб. 5 коп.

При этом с 1738 по 1744 г. Екатеринбургский госпиталь получил из аптеки медикаментов и материалов на 1 674 руб. 24 коп., Кушва – на 292 руб. 19 коп., Пермь – на 124 руб. 55 коп., Нерчинск – на 145 руб.

52 коп., Красноярск – на 92 руб. 41 коп., Якутск – на 36 руб. 47 коп., Алапаевск – на 4 руб. 58 коп., Ляля – на 51 коп. Если на Колыванскую экспедицию было потрачено 23 руб. 98 коп., то на Оренбургскую – 3 руб. 59,5 коп.

Вызывают особый интерес и данные Мейндерса о материалах, которые им «к пользе здешней аптеки собраны, считая по московской цене»: в 1739 г. – на 261 руб. 37,5 коп.; 1740 – на 149 руб. 10,5 коп.; 1741 – 47 руб. 58,5 коп.; 1742 – 28 руб. 62,5 коп.; 1743 – 76 руб. 74 коп.; 1744 – 57 руб. 27 коп., всего – на 620 руб. 40 коп. [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 1059, л. 7–8].

Таким образом, суммы, выделенные на обеспечение лечебными средствами главного госпиталя в Екатеринбурге, значительно превосходили обеспечение госпиталей, действовавших при других заводах и малых лазаретов. Приведенные данные позволяют говорить о выдающейся роли Екатеринбургской аптеки в обеспечении лекарствами казенных заводов не только Урала, но и Сибири. Ясно, что деятельность аптеки по обеспечению медикаментами охватывала огромную территорию страны. Именно Екатеринбургская аптека, получая медицинские материалы из Московской Главной аптеки, собирая и выращивая лекарственные травы, являлась единственным их поставщиком для работников других заводов.

Увеличивались и суммы на лекарства, выдаваемые людям «разных чинов» за деньги, т. е. тем, кто не являлся работником заводов и не платил на содержание госпиталя по 1 коп. с рубля жалованья, или лечился от болезни, приобретенной по своей вине: от «французской» (сифилиса), от увечий, полученных в затеянной драке и т. п.

Мейндерс скончался 14 октября 1753 г., и Московская медицинская канцелярия утвердила в должности аптечного гезеля (помощника) его зятя, саксонца Якоба Тешнера, а в феврале 1758 г. Шнезе наряду с госпиталем опять возглавил и аптеку. Тешнер после конфликта с горнозводской администрацией покинул с женой Екатеринбург (см.: Корепанов, 2005, с. 71, 91).

Как отмечал Я. Чистович, все аптекари в России в XVIII в. имели немецкие фамилии [см.: Чистович, с. 571–573]. Не стал исключением и горнозаводский Урал.

Где размещалась первая аптека Екатеринбурга? Поначалу ее организовали в другой половине казенного дома, выделенного под жилье доктору Грифу, в короткой уличной линии напротив церкви (см.: Корепанов, 2005, с. 44). Думается, это был очень приличный и просторный дом. Но еще находясь в Екатеринбурге, Татищев задумал построить каменную Канцелярию Главного заводов правления, каменное здание школы, книгохранильницы и аптеки. Эти здания были указаны на чертеже Екатеринбурга, выполненном самим Татищевым в 1735 г. Еще до его отъезда из Екатерин-

бурга начали строить Канцелярию, заложили школу. Но глава Генерал-берг-директориума Шемберг, получив в 1739 г. в собственность гору Благодать с богатейшим содержанием железной руды и прилегавшими к ней заводами, поставив вопрос о передаче в частные руки других казенных предприятий Урала, естественно, не захотел тратить заводские деньги на каменное строительство. Указом директориума от 9 апреля 1739 г. на запрос уральского начальства, строить ли каменную церковь «за ветхостию деревянной», предписывалось обождать до прибытия на Урал Шемберга. На запрос, продолжать ли строительство других объектов, указом от 19 июня 1739 г. директориум приказал: «зачатое строение помянутой Канцелярии окончить, а гостинова двора, аптеки, школы и книгохранильницы до указу не строить...» [ГАСО, ф. 24, оп. 12, д. 43, л. 223; оп. 1, д. 808, л. 794].

В книге Н. Корепанова читаем: «Специально предназначенное под аптеку здание было выстроено в 1737 г. примерно на том же месте, где она размещалась прежде – в линии напротив церкви; в 1739 г. при аптеке появилась своя лаборатория. По модели Мейндерса в аптечной лаборатории смонтирован был деревянный станок для выжимки экстрактов и масел. В 1741 г. над аптекой надстроили камору для хранения трав». В другом издании автор уточнил: здание аптеки выстроили «напротив Главного правления (рядом с полицией...)» [Корепанов, 1998, с. 36; 2005, с. 58].

Отметим интересный факт, выявленный нами в школьных делах Канцелярии. В 1742 г. несколько учеников знаменованной школы (школы рисования), открытой по инициативе Татищева в ноябре 1735 г., подали прошения об увеличении им жалованья. Из аттестатов, выданных по этому случаю учителем Аврамовым, следовало, что Иван Денисов, поступивший в школу в 1736 г., к 1742 г. «набело» «книги рисовальные» «прорисовал» все три части, а также «волдеевы фигуры». «Из иных книг рисовал и тушевал царские персоны и разные фигуры из евангельских притчей, к тому ж рисовал монстров и другие разные фигуры в Главную канцелярию и в аптеку здешнюю, о чем и в Канцелярии не без известно есть, под которыми он, Денисов, и подписывался. Оной же Денисов обучает арифметики пяту[ю] статью и в письме своем исправен и во всей помянутой науке против своей братьи учеников искуснее и в том деле силу знает лугчее». Возможно, известный художник, уроженец Екатеринбурга, А. К. Денисов-Уральский (1863–1926) – потомок этого ученика, чьи авторские работы украшали стены наиболее важных учреждений Екатеринбурга? О Кирилле Шагове учитель отмечал, что и он «волдеевы фигуры», «цветы» и «другие фигуры» рисовал в аптеку [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 55].

Итак, из этого документа мы узнаем, что украшению аптеки наряду с Канцелярией придавалось особое значение. В ее помещении на стенах висели картины: изображения монстров, возможно, нарисованных с натуры – с найденных Мейндерсом уродцев. Цветы, возможно, срисовывались с книги «*Weigels schönste Blihen*» («Вайгеля. Красивейшие цветы»), взятой учителем из собрания Татищева для обучения рисованию [ГАСО, ф. 24, оп. 1, д. 2321, л. 223].

Особый интерес для нас представляет указ Берг-коллегии от 19 ноября 1745 г., в котором излагалось доношение уральского начальства, отправленное в столицу в сентябре: «о ветхости Екатеринбургской аптеки и при ней лабаратории и определено де оную аптеку починити и лабараторию от пожарного случая хранить накрепко». Далее излагались планы Татищева о строительстве каменных зданий в Екатеринбурге, запрет Генерал-берг-директориума на это; мнение уральского начальства: «аптеке особливо быть не для чего», до Татищева выписывали и привозили медикаменты из Москвы, «расход» их содержал лекарь, так можно поступать и впредь; расходов будет меньше, если выписывать готовые лекарства из Москвы. Задавался вопрос: не повелено ли будет перевести ту аптеку в загородные покои, где жил Татищев. Берг-коллегия этим указом, полученным в Екатеринбурге 23 декабря, потребовала прислать обстоятельное известие: если убрать аптекаря, возьмет ли лекарь на себя содержание аптеки и каким договором. Вопрос же о помещении аптеки предписывалось рассмотреть по прибытии президента Берг-коллегии в Екатеринбург [Там же, оп. 12, д. 49, л. 843–844].

В ноябре 1746 г. президент Берг-коллегии Антон Федорович Томилов, генерал-майор артиллерии, во время пребывания в Екатеринбурге выслушал доклад уральского начальства об аптеке и приказал: «аптеке должно быть внутри, а не за городом, как Канцелярия предлагает, и для прочности лутче сделать каменную, и по удобности оной велеть бергмейстеру Райзеру, с совета аптекаря и бергмейстера Мейдерса, сделать чертеж, по которому и учинить обстоятельное определение» [Там же, д. 358, л. 177]. Таким образом, благодаря вмешательству президента Берг-коллегии аптеке суждено было сохраниться в Екатеринбурге и в будущем получить каменное здание. Только к 1755 г. на месте старой аптеки сложили по чертежу Райзера каменное здание с каменным крыльцом и «верхними покоями» типа мансарды, с каменной аптечной лабораторией с узкими окнами-щелями под самым потолком [см.: Корепанов, 2005, с. 71]. Заметим, Густав Ульрих Райзер – сын советника Берг-коллегии, затем Генерал-берг-дирек-

ториума, вместе с Ломоносовым и Виноградовым обучавшийся в Германии в 1736–1739 гг., где слушал лекции Х. Вольфа в Марбургском университете и обучался горному делу во Фрайбурге. В 1745–1753 гг. он служил при заводах Урала.

Рамки статьи не позволили нам осветить все вопросы, связанные с деятельностью Екатеринбургской аптеки в первой половине XVIII в., но в будущем мы предполагаем восполнить этот пробел.

Акишин М. О. Государство и становление профессиональной медицины в Сибири XVIII века // Пятые Татищевские чтения. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2004. С. 23–28.

Корепанов Н. С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). 2-е изд. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998.

Корепанов Н. С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005.

Корепанов Н. С. Мейндерс (Meinders) Людвиг Христиан // Екатеринбург : энциклопедия. Екатеринбург : Изд-во «Академкнига», 2002. С. 350.

Корепанов Н. С. Шнезе (Schneze) Иоганн Христофор // Екатеринбург : энциклопедия. С. 664.

Соркин Ю. Э. У истоков медицины Среднего Урала // Ползуновские чтения : тез. науч.-практ. конф., посв. 265-летию со дня рождения И. И. Ползунова. Екатеринбург : СГОИМК, 1994. С. 66–69.

Сафронова А. М. Личная библиотека В. Н. Татищева в Екатеринбурге. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017.

Сафронова А. М. Роль В. Н. Татищева в организации первой медицинской службы на Урале в начале 20-х гг. XVIII века // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.) : материалы Третьей Всерос. науч. конф. : в 2 т. Омск : ОГУ, 1998. Т. 2. С. 47–51, 51–70.

Сафронова А. М. Роль Татищева в формировании собрания медицинской литературы в Екатеринбурге (1734–1738 гг.) // Восьмые Татищевские чтения. Екатеринбург : УМЦ УПИ, 2010. С. 34–39.

Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. (Очерки истории Урала; вып. 43).

Старков В. И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX в. 2-е изд. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2007. (Очерки истории Урала; вып. 43).

Татищев В. Н. Записки. Письма, 1717–1750 гг. М. : Наука, 1990.

Чистович Я. История первых медицинских школ в России. СПб. : Типография Я. Трея, 1883.